Наверняка большинство наших читателей знают или, по крайней мере, слышали о таком понятии как «домашний арест». Это юридический термин, означающий одну из мер пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого. Он предусмотрен статьей 107 Уголовного кодекса РФ: «Домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение».

Система электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ) была поэтапно введена в России в период с 2010 по 2012 год. Законодательно введение этой системы регулировалось Федеральным Законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ о наказании в виде ограничения свободы».

Рассмотрим, каким образом это осуществляется на практике. За консультацией корреспондент «Вестей» обратился к заместителю начальника Федерального казенного учреждения «Центр инженерно - технического обеспечения и вооружения управления Федеральной службы исполнения наказаний по Камчатскому краю» Сергею Разворотневу и старшему инспектору Федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная инспекция управления Федеральной службы исполнения наказаний по Камчатскому краю» Артему Федосееву, через начальника пресс-службы ведомства Ивана Крайнева.

Итак, подозреваемому или обвиняемому на ногу надевается специальный электронный браслет, чтобы сотрудники Управления Федеральной службы исполнения наказаний (УФСИН) по Камчатскому краю могли следить за ним и контролировать его поведение. После активации такое устройство должно постоянно передавать сигнал контролеру. Снять самостоятельно браслет невозможно. Кроме него, к средствам персонального надзора относится стационарное контрольное устройство, которое внешне напоминает дисконаборный телефонный аппарат. Оно предназначено для контроля за арестованным в режиме постоянного присутствия в помещении. Через это устройство поддерживается связь контролера с арестованным. При удалении арестованного от

этого устройства более чем на 30 метров контролер (оператор пульта мониторинга – сотрудник УФСИН) получает тревожный сигнал на пульт мониторинга. При несанкционированной попытке переместить стационарное устройство с места его установки так же срабатывает тревожный сигнал.

Кроме постоянного присутствия в помещении, в СЭМПЛ существует режим ограниченного передвижения. Подозреваемому или обвиняемому разрешено перемещаться, но по согласованному маршруту. В этом случае арестованный совместно с браслетом носит с собой мобильное контрольное устройство, которое передает данные о его местоположении по сигналам глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС. В случае удаления мобильного контрольного устройства от спецбраслета более чем на пять метров оно передает контролеру тревожный сигнал. Арестованный обязан производить подзарядку мобильного устройства и следить за его сохранностью. Все технические средства выдаются арестованному и передаются обратно по акту приема-передачи. В настоящее время в распоряжении сотрудников УФСИН по Камчатскому краю находится 90 комплектов СЭМПЛ, хотя необходимости в таком количестве и нет.

За весь период работы СЭМПЛ количество лиц, одновременно находящихся под домашним арестом, в Камчатском крае не превышало 45.

Помимо перечисленных выше видов тревожных сигналов, на пульт мониторинга также поступают оповещения в случаях нарушения целостности браслета, низкого уровня заряда батареи мобильного контрольного устройства и полного отсутствия движения браслета более шести часов подряд.

При получении тревожного сигнала котролер связывается с арестованным через стационарное контрольное устройство (при режиме постоянного нахождения в помещении) либо по обычной мобильной телефонной связи (при режиме ограниченного передвижения) и выясняет причину срабатывания. В случае установления факта нарушения, контролер, в течение двух часов с момента установления такого факта информирует о допущенном нарушении следователя, в производстве которого находится уголовное дело, а в его отсутствие руководителя следственного органа и в течение 24 часов с момента установления факта направляет следователю либо его руководителю письменное уведомление о нарушении, а также фиксирует факт нарушения в журнале учета. Такая последовательность действий предусмотрена пунктом 19 совместного Приказа Министерства юстиции, МВД, Следственного комитета, ФСБ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 11

февраля 2016 г. № 26/67/13/105/56 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений».

По моему мнению, указанный в этом Приказе срок, в течение которого контролер должен проинформировать следователя о нарушении арестованным порядка нахождения под домашним арестом (два часа), неоправдано большой. Допустим, что арестованный избавился от браслета и покинул помещение. В таком городе как Петропавловск-Камчатский за два часа можно совершить еще одно (а возможно и несколько) преступлений и скрыться (особенно при наличии автомобиля) далеко за пределы городского округа. Для сравнения - время пути от краевого центра до Мильково составляет около четырех часов. Чем руководствовались разработчики Приказа при определении этого срока - неизвестно. Неужели оператору пульта мониторинга нужно целых два часа, чтобы набрать телефон следователя или своего руководителя? Даже при условии, что оператор предварительно самостоятельно пытается связаться с арестованным и выяснить причину тревожного сигнала. Кроме того, двумя часами время реагирования вряд ли ограничится. Предположим, что контролер УФСИН по какой-либо причине не смог дозвониться следователю. В соответствии с приказом он должен сообщить о происшествии руководителю следственного органа. Допустим, что нарушение произошло в выходной день, когда рабочие телефоны не отвечают. Даже если дежурный быстро дозвонится на личный мобильный телефон руководителя следствия, тому надо сходу определить - в производстве у кого из его сотрудников находится дело. Начнется обычная межведомственная неразбериха. Когда в конце концов следователь узнает о случившемся, ему ещё нужно будет вызвать по адресу домашнего ареста наряд полиции либо прибыть туда самому. На это тоже потребуется время.

Сотрудники УФСИН на вопрос корреспондента, касающийся этого временного норматива, ответить затруднились. Для людей в погонах оно и понятно – приказы не обсуждают, а исполняют.

Мое мнение основано, увы, не на теоретических предположениях. 9 января 2018 г. произошел случай самовольного покидания обвиняемым места домашнего ареста. Речь идет о печально известном «камчатском стрелке» Иване Ганже, том самом, который в ночь на 27 марта 2017 г. открыл огонь из ружья по окнам соседей во дворе дома по адресу: улица Толстого, 3.

«Вести» подробно рассказывали об этом происшествии в своих публикациях («Самый туманный суд в мире» от 05.09.2017 г.
,
«Получит ли срок «камчатский стрелок» от 05.12.2017 г.
,
«Выходим по одному! Стрелять вас буду!» от 16.01.2018 г.
и
«Хулиган или убийца» от 23.01.2018 г.
).

В тот день по неизвестным причинам ни одно из технических устройств СЭМПЛ, которыми был оснащён Ганжа, не сработало. Его отсутствие на месте домашнего ареста обнаружил конвой, прибывший по адресу, чтобы доставить обвиняемого в зал судебного заседания. Кстати, сотрудники Камчатского УФСИН, консультирующие меня, не упомянули об этом случае, хотя я и задал им вопрос: бывали ли случаи отказа или неисправности оборудования СЭМПЛ, попытки самовольного ухода арестованных с места домашнего ареста,

или какие-либо другие происшествия за время работы системы на Камчатке?

Как выяснилось позже, Ганжа самовольно отправился в больницу по причине плохого самочувствия, не уведомив контролеров. При этом обратно в следственный изолятор, как это и положено в случае нарушения обвиняемым режима домашнего ареста, Ганжа помещен не был (воистину, гуманизм нашего суда не имеет предела).

Причины, по которым судья уголовной коллегии Камчатского краевого суда Оксана Маслова удовлетворила жалобу адвоката Ганжи и отправила обвиняемого из следственного изолятора под домашний арест неизвестны. Ведь Ганжа не мелкий воришка. Напомню, что он, находясь в состоянии алкогольного опьянения, произвел по окнам соседей 13 выстрелов, ранив при этом мужчину, который закрыл своим телом супругу – председателя совета дома. Мужчину госпитализировали. Его супруга, к счастью, не пострадала. На преступление Ганжа пошел намеренно, давно порываясь отомстить соседям за упреки в частом употреблении алкоголя и безобразном поведении. В содеянном он не раскаялся, хотя его защита и пыталась доказать в суде, что намерений на убийство у него не было. Более того, по словам полицейского, который первым прибыл по вызову на место происшествия и с помощью вызванных на подмогу коллег задержал Ганжу, тот, уже будучи в наручниках, продолжал выкрикивать оскорбления и угрозы в адрес соседей. Когда стражи порядка вели его к машине по

лестнице подъезда, «камчатский стрелок» в открытую дверь квартиры увидел, как врачи скорой помощи оказывают помощь израненному соседу и прокричал: «Ты еще жив? Не сдох еще?». И вот такому фигуранту наш «самый гуманный суд в мире» заменяет нахождение в следственном изоляторе на домашний арест. Теперь представим себе ситуацию, при которой Ганжа отправляется из-под домашнего ареста не в больницу, а за очередной порцией спиртного и оружием. Кто помешал бы ему довести до конца задуманную расправу над соседями? Даже если бы аппаратура СЭМПЛ сработала исправно, Ганже вполне хватило бы двух часов. Кто понес бы в этом случае ответственность за то, что неадекватный «камчатский стрелок», находящийся под следствием за приготовление и покушение на преступление, покушение на убийство и хулиганство с применением оружия, совершенно бесконтрольно занимался, чем ему вздумается? Судья? Технический специалист УФСИН, отвечающий за исправную работу оборудования СЭМПЛ? Руководство правоохранительных ведомств, подписавшее Приказ о двухчасовом сроке уведомления?

К счастью, в той истории всё обошлось относительно благополучно. Пострадавший мужчина оправился от ранений. Иван Ганжа получил 9 лет лишения свободы в колонии строгого режима, которые сейчас и отбывает.

Сегодня часто можно услышать о проводимой политике гуманизации уголовного наказания, которая проявляется в увеличении видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Не ставя под сомнение этот принцип в целом, считаю необходимым выразить мнение о том, что для фигурантов, совершивших преступления против жизни и здоровья человека, такая мера пресечения как домашний арест неприменима. Никто не может дать гарантию, что, обуреваемый принципом гуманизации, суд (особенно камчатский) не примет решение ограничиться домашним арестом для очередного взявшегося за оружие преступника. Или не произойдет очередной технический сбой либо бесконечные бюрократические проволочки.

Нахождение обвиняемых по таким статьям под домашним арестом представляет собой реальную угрозу для общества. И это в то время, как за экономические преступления подозреваемых и обвиняемых демонстративно содержат в СИЗО. Какой-то избирательный принцип гуманизации у нас получается, причем избирательность с явным уклоном не в том направлении.

Андрей Борисенко